

Олеся Плек

Оценка доказательств при рассмотрении должностных преступлений в дореформенном суде (на материалах Вологодской палаты уголовного суда)¹

Плек Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

plekh@mail.ru

Аннотация: В статье разбираются особенности уголовного судопроизводства, связанные с действовавшей в первой половине XIX в. системой оценки доказательств. В основу исследования положены материалы дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда, за 1802–1855 гг. Проанализировано более 1300 преступлений, что позволило не только получить статистические данные, но и на конкретных примерах отразить специфику реализации принципов уголовного судопроизводства и практику оценки доказательств. В результате исследования выясняется, что формальная теория доказательств предоставляла широкие возможности уйти от ответственности или добиться смягчения наказания. При отсутствии чистосердечного признания практически любое другое доказательство могло быть подвергнуто сомнению по формальным признакам.

Ключевые слова: дореформенный суд, уголовное судопроизводство, розыскной процесс, формальная теория доказательств,

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе НИУ «Высшая школа экономики».

оценка доказательств, должностные преступления, губернская палата уголовного суда, Вологодская губерния.

Evidence Evaluation in Official Crimes Consideration in the pre-reform Court (based on the Materials of the Vologda Criminal Court Chamber)

Plekh Olesya Anatolievna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

plekh@mail.ru

Abstract: The article examines the features of criminal proceedings related to the evidence assessment system in the first half of the 19th century. The research is based on the materials of official crimes considered by the Vologda Criminal Court Chamber in 1802–1855. More than 1,300 crimes were analyzed that allowed not only to obtain statistical data but also to reflect the specifics of the implementation of the criminal proceedings principles as well as to consider evidence assessment practice and the use of specific examples. The study demonstrated that the formal theory of evidence provided ample opportunities to evade responsibility or achieve mitigation of punishment. In the absence of a sincere confession, almost any other evidence could be questioned on formal grounds.

Key words: pre-reform court, criminal proceedings, inquisitorial system, formal theory of evidence, assessment of evidence, official crimes, provincial chamber of the criminal court, Vologda province.

Кто раз был под судом и вышел в подозренье,
Тот, может быть, еще по случаю попал;
Кто два раза, тот плут, без всякого сомненья,
Хотя бы суд и оправдал!
Но в утешение для честных остается,
Что он и в третий попадетсЯ!

*М. А. Дмитриев*²

Первые попытки проанализировать дореформенную судебную систему и предложить пути к исправлению ее главных недостатков предпринимались еще в первой половине XIX в. В частности, исследователям хорошо известна записка правоведа М. А. Балугьянского «Рассуждение об учреждении губерний», сохранившаяся среди бумаг Комитета 6 декабря 1826 г., где автор особо подчеркивал, что «подчиненность судебных мест губернатору, определение судей посредством выборов, недостаток власти сделали судную часть более всех несовершенною»³. В период подготовки Великих реформ Александра II на судоустройство и судопроизводство обращалось пристальное внимание, хотя цензурные ограничения и не позволяли «выразить в прессе общественное негодование на судебные порядки»⁴.

Несмотря на это, неудовлетворительное состояние судебной системы и давно назревшая необходимость ее преобразования ясно осознавались всеми слоями общества, а дошедшие до нас литературные и мемуарные произведения красочно иллюстрируют царившие умонастроения, которые можно обобщить емкой цитатой

2 *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 330.

3 Рассуждение неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. Бумаги Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. СПб., 1894. С. 222.

4 *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905. С. 31.

из воспоминаний чиновника Министерства юстиции Н. М. Колмакова: «Уездные суды, магистраты и палаты, по своему составу и обстановке, а равно по формам судопроизводства, коих они обязаны были держаться, а главное, по зависимости своей от губернского начальства и других властей, не судебного ведомства, — были жалкие установления, нисколько не обеспечивавшие великое дело в государстве — дело отправления правосудия!»⁵

В целом воспоминания чиновников, в том числе современников, вращавшихся в судебной системе, долгое время являлись для исследователей ценнейшим источником, откуда черпались яркие примеры беззакония, взяточничества, волокиты, некомпетентности судей и т. д.⁶ Хотя в последней четверти XIX в. появилось немало государственных и общественных деятелей, заявлявших, что судебная реформа 1864 г. оказалась слишком радикальной, а «старый» суд был не так уж и плох⁷, негативный взгляд на доре-

5 Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // Русская старина. 1886. Т. 52. № 12. С. 513.

6 В дореволюционное время мемуары, дневники и записки столичных и провинциальных чиновников активно публиковались в толстых журналах. См., например: Записки московского мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Новое издание с примечаниями и портретом // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 1–154; Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г. Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7. С. 74–161; Письмо опытного чиновника сороковых годов младшему брату, поступающему на службу / сообщил А. С. Зарудный // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12. С. 543–546; Провинциальные нравы за последние полвека (Воспоминания Феликса Яковлевича Лучинского) // Русская старина. 1897. Т. 91. № 9. С. 633–658; Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова. С. 511–526; Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 735–784; Шомпулев В. А. Провинциальные типы сороковых годов (Записки старого помещика) // Русская старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 321–335; и др.

7 См., например: Джанишев Г. А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891. С. 138–149; Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон-Дервиза. 1881 г. // Русская старина. 1885. Т. 46. № 6. С. 594–596; Семенов Н. П. Наши ре-

форменный порядок надолго закрепился в историографии. В этом можно убедиться, обратившись как к дореволюционным публикациям⁸, так и к работам советского периода⁹. Следует отметить, что ни в тех, ни в других не преследовалась цель всесторонне проанализировать судопроизводство первой половины XIX в.

Лишь в последние десятилетия правоведы и историки пытаются заполнить указанную лакуну, при этом первые основное внимание уделяют изучению нормативных правовых актов и официальных документов¹⁰, но, как известно, закон и практика далеко не всегда совпадали. Историки же во многом идут по стопам предшественников, описывая пороки судебной системы с опорой на источники личного происхождения и разного рода записки государственных деятелей¹¹, а данные материалы, не лишённые

формы // *Русский вестник*. 1884. Т. 169. № 1. С. 282–332; *Фукс В. Я.* Суд и полиция. В 2 ч. Ч. 1. М., 1889.

- 8 В первую очередь речь идет о трудах, посвященных судебной реформе, в которых уделялось внимание и состоянию дореформенного судопроизводства. См., например: *Блинов И. А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. Пг., 1914; *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905; Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. Т. 1. М., 1915.
- 9 См., например: *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие: к 75-летию Историко-архивного института. М., 2006; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- 10 См., например: *Ефремова Н. Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). М., 2007; *Она же.* Судоустройство России в XVIII — первой половине XIX в.: (историко-правовое исследование). М., 1993; История суда и правосудия в России. В 9 т. Т. 3: Судоустройство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века) / отв. ред. С. А. Колунтаев. М., 2019; *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 2–3. М., 2003.
- 11 См., например: *Карнишина Н. Г.* Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (29). С. 69–76; *Морякова О. В.* Система

эмоциональных обобщений, гипербол и субъективизма, преимущественно описывают наиболее яркие случаи нарушения закона, в совокупности дающие лишь самое общее представление, в полной мере не раскрывая ни причин сложившейся ситуации, ни механизмов, позволявших более полувека процветать «неправосудию». До настоящего момента редкостью остаются публикации, в которых основу источниковой базы составляет делопроизводство дореформенных судов¹², запечатлевшее практику их работы и отражающее специфику судебного процесса, вызывавшую нарекания современников.

В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать особенности уголовного судопроизводства, в первую

- местного управления России при Николае I. М., 1998; Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004; Schattenberg S. Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt; New York, 2008.
- 12 См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII века? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 29–36; Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в.: (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016; Он же. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири, 1780–1869 гг. Челябинск, 2005; Панин Е. Е. Уездные суды Российской империи в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006; Сабанцев А. Н. Судебные учреждения Олонекской губернии (1784–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2003; Тростянский А. Г. Судебная система Российской империи в 1850-х — начале 1880-х гг. (на примере Пензенской и Самарской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011; Теряева Е. В. Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 127–134; Чернов Г. А. Пензенская палата уголовного суда (1780–1869 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Он же. Судебная практика Пензенской палаты уголовного суда в 1812–1815 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 29–43.

очередь связанные с действовавшей системой оценки доказательств. Материалы конкретных уголовных дел о должностных преступлениях, рассмотренные Вологодской палатой уголовного суда в первой половине XIX в., позволяют увидеть не только специфику формального следствия и розыскного процесса, но и сформировавшиеся на практике механизмы ухода от наказания и ответственности¹³.

В законодательстве дореформенного периода должностные преступления именовались «следственными делами»¹⁴, и для них предусматривался «особенный род судопроизводства», что, в частности, находило отражение в подсудности: «лица гражданского ведомства по преступлениям должности подлежат или: 1) суду уголовной палаты, или 2) суду Правительствующего Сената, или 3) в некоторых родах службы суду военному»¹⁵. Иными словами, служащих губернского и уездного звеньев общей системы управления, за исключением высших должностных лиц губернии¹⁶, предавали суду губернских уголовных палат. В связи с этим

13 Неспособность судов при действовавшей системе формальных доказательств привлекать виновных к ответственности отмечали как дореволюционные правоведы, так и современные исследователи. См., например: *Крестьянников Е. А.* Отмена системы формальных доказательств в дореволюционной России // *История государства и права.* 2010. № 21. С. 31–34.

14 По должностным преступлениям в делопроизводственной документации, в том числе в протоколах и журналах заседаний, делалась отметка «следственное дело».

15 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб., 1842. С. 286.

16 К подсудности Сената относились преступления губернаторов, с 1827 г. еще и губернских предводителей дворянства, с 1828 г. — губернских прокуроров, с 1837 г. — председателей губернских палат и председателей стоящих в других равных палатах местах по губерниям и областям (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 2. № 892. С. 168; Т. 3. № 2309. С. 847–848; Т. 12. Отд. 2. № 10712. С. 903). Случаи привлечения к ответственности таких должностных лиц были еди-

в ходе исследования поиск документального материала осуществлялся в фонде 177 (Вологодская палата уголовного суда) Государственного архива Вологодской области.

В первой половине XIX в. отсутствовал систематический сбор данных о состоянии преступности, а уголовная статистика еще только переживала период становления¹⁷. На местах данные о должностных преступлениях не обобщали ни в отчетной, ни в текущей документации. Соответственно, в архивных фондах местных учреждений почти невозможно отыскать статистические сводки или подробные ведомости о зарегистрированных и решенных уголовных делах. По этой причине первичное делопроизводство местных судов приобретает особую значимость. Поскольку в фонде Вологодской палаты уголовного суда отдельные подшивки материалов находятся лишь по небольшой части следственных дел (в основном за 1840–1850-е гг.), работа главным образом проводилась с достаточно хорошо сохранившимися протоколами и журналами суда¹⁸. Всего изучена 201 единица хранения¹⁹, благо-

нычны. Их удалось выявить и проанализировать благодаря материалам, сохранившимся в фондах центральных учреждений Российского государственного исторического архива (далее — РГИА).

- 17 Статистическая отчетность Министерства юстиции не позволяет оценить масштабы правонарушений. Ученые, обращавшие внимание на эти материалы, осветили присущие им значительные недостатки, связанные с несовершенством форм учета и предоставления данных в отчетах центральным учреждениям. В первой половине XIX в. формы учета и состав поступавших с мест сведений неоднократно менялись, а в определенные годы данные в общероссийских масштабах вовсе не обобщались. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 24–42; *Остроумов С. С.* Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М., 1961. С. 6–46.
- 18 Оказались утраченными две подшивки протоколов за 1805–1806 гг., которые в совокупности позволили бы выявить не более 5% от общего числа следственных дел.
- 19 Проведена работа с 94 книгами протоколов, 37 книгами журналов и 70 отдельными подшивками материалов следственных дел (Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 177. Оп. 1. Д. 1,

даря чему удалось выявить 877 следственных дел и 33 апелляции по ним, рассмотренные уголовной палатой за 1800—1855 гг.²⁰ На основе собранных материалов была создана электронная база данных, позволившая сделать статистические выкладки.

Во-первых, следственные дела часто включали несколько преступлений: в 328 из 877 дел в обвинение ставилось совершение двух и более преступных деяний²¹, и общее количество зарегистрированных должностных правонарушений насчитывает 1330 (то есть на треть больше, чем число следственных дел)²². Как правило, такие дела формировались либо на досудебной стадии, либо инициатором объединения дел в одно выступал сам суд. Большое количество следственных дел, рассмотренных по совокупности, отражает особенности и расследования должностных преступлений, и судопроизводства по ним. С одной стороны, процесс могли затягивать следователи,

4, 5, 7–10, 14–17, 19, 20, 25–27, 29–33, 36, 37, 39–41, 44, 45, 47–49, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 68, 69, 71, 73, 74, 77–79, 82, 83, 85, 86, 88, 90, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107–109, 111–113, 116, 117, 119–121, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 141, 142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 159, 160, 163, 166, 169, 172, 185, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284–287, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. Д. 1–5, 10, 12, 14–18, 25–27, 29–31, 36, 37, 40, 45–48, 57, 58, 64–66, 70, 71, 76, 77, 84, 85, 91–107, 134–139, 141–143, 145, 148, 150, 162, 176, 178, 179, 181, 207.

20 Учитывая хорошую сохранность протоколов и журналов, предположительно, удалось выявить не менее 95% от всех дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской уголовной палатой в первой половине XIX в.

21 В Своде законов уголовных совокупность преступлений, называвшаяся «стечением преступлений», относилась к «обстоятельствам, увеличивающим вину»: «Стечение преступлений... бывает или когда преступник учинил несколько раз одно и то же преступление, не быв за оное прежде наказан, или когда он в разные времена учинил разные преступления, не быв прежде за оные наказан; или же когда в одном деянии соединяются разные преступления» (Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 26–27).

22 Подробнее о динамике следственных дел и должностных преступлений, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда в первой половине XIX в., см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в.: дис. канд. ист. наук. М., 2016. С. 247–248, 398.

собирая доказательства и приводя в «совершенную известность» все обстоятельства дела, а обнаружение еще одного противоправного деяния бесспорно оправдывало длительные сроки следствия²³; с другой стороны, разбор каждого должностного преступления по отдельности должен был отражаться как неоднократное нахождение под судом и, соответственно, в каждом последующем случае учитываться какотягчающее обстоятельство, уменьшавшее шансы на оправдательные приговоры, а суд более чем лояльно относился к подсудимым из чиновничьей среды, поэтому и поощрял объединение дел. Конечно, сама по себе совокупность преступлений также представляла отягчающим фактором, однако судебная практика показывает, что случаи, когда доказывались все действия, вменявшиеся обвиняемому, являлись единичными.

Во-вторых, за весь рассматриваемый период на скамье подсудимых оказалось не менее 2350 служащих Вологодской губернии разных уровней и званий²⁴, причем половина из них приходится на 10% следственных дел, то есть обнаружены дела, по которым

- 23 Сроки досудебного производства законодательно не регламентировались. Предполагалось, что предварительное следствие должно осуществляться скорейшим образом и желательно по горячим следам. Если факт нарушения закона находил подтверждение, то возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие, которому полагалось уложиться в месячный срок и привести все «обстоятельства дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговора». Относительно должностных преступлений закон допускал вариации в порядке следствия: «Следствие над чиновниками в преступлении должности наряжается или прежде и отдельно от суда, и производится местами и лицами к тому назначенными, или же он передается суду прямо по первоначальному обозрению его вины, и в сем случае следствие производится самою уголовною палатою по тем обвинениям, кои против него ей представлены» (Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 204, 292).
- 24 Установить точное число невозможно, поскольку в нескольких протоколах следственных дел, где количество подсудимых было значительным и суд выносил оправдательный приговор, перечислялся только ряд фамилий.

под суд попадали почти все служащие одного или нескольких уездов. Такие массовые привлечения к ответственности должностных лиц происходили после сенаторских ревизий²⁵.

В-третьих, если обратиться к структуре должностной преступности²⁶, то можно увидеть, что в каждом четвертом деле фигурировало превышение власти или противозаконное бездействие, а в каждом шестом — лихоимство. При этом в первом случае раскрываемость и число обвинительных приговоров были довольно высокими (до 70% рассмотренных дел), что же касается наиболее тяжких преступлений — взяток, то по таким делам обычной практикой являлось оправдание подсудимых (до 95%).

В-четвертых, только в половине случаев подсудимые получили обвинительные приговоры с назначением наказания, еще в 15% дел правонарушения служащих хотя и были доказаны, но наказания им удалось избежать (либо по благосклонности суда, либо по амнистии). Каждое четвертое преступление осталось недоказанным, и подсуди-

25 К примеру, в 1830-х гг. после ревизии сенаторов А. М. Корнилова и В. Ф. Мертенса под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служащий Вологодской губернии.

26 Классификация должностных преступлений производилась с опорой на действовавшее законодательство, что позволило выделить следующие категории: 1) неисполнение указов и предписаний (3,8% от всех выявленных преступлений); 2) превышение власти и противозаконное бездействие (25,1%); 3) противозаконные действия при хранении и управлении имуществом и денежными суммами (17,2%); 4) подлоги по службе (5,8%); 5) неправосудие (0,7%); 6) мздоимство и лихоимство (16,5%); 7) нарушение порядка при определении к должности и увольнении от нее (0,9%); 8) нарушение порядка отношений между начальниками и подчиненными (3,2%); 9) медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности (17,1%); 10) преступления при следствии и суде (3,4%); 11) ложные донесения о должностных правонарушениях (2,6%); 12) иные преступления, связанные с нарушениями лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий (3,7%). Подробнее о классификации должностных преступлений и их разделении в зависимости от принятых судебных решений см.: Плех О. А. Указ. соч. С. 250, 255–266, 400.

мых полностью оправдали. Кроме того, в 102 приговорах суд оставил обвиняемых в «подозрении» (65 — «в подозрении», 37 — «в сильном подозрении»)». ²⁷ Эта уникальная разновидность судебного решения, как и представленные статистические показатели, являлась, по сути, детищем действовавшей системы оценки доказательств.

Сущность розыскного процесса и формальная теория доказательств довольно хорошо освещены в научной литературе ²⁸, поэтому сейчас хотелось бы заострить внимание лишь на тех аспектах, которые позволяли дореформенному суду подвергать сомнению собранные доказательства и обосновывать оправдательные приговоры.

Первое — это принципы уголовного судопроизводства, действовавшие с петровского времени. В частности, в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1716 г. отмечалось: «Понеже к свидетельствованию явные и довольные требуются доказы, того ради судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказать опасаться, но толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть 10 винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить» ²⁹. В Своде законов уголовных данный тезис получил развитие в статьях 1169 («Никто не должен быть присужден

27 Полученные показатели вступают в противоречие с устоявшимся в дореволюционной литературе представлением, что дореформенный суд оставлял в подозрении абсолютное большинство подсудимых и это не влекло для них никаких негативных последствий. Подробнее см.: *Крестьянников Е. А.* Указ. соч. С. 31.

28 См, например: *Брянская Е. В.* О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 15–20; *Зайцева С. А.* Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 158–170; *Зотов Д. В., Сыщикова Т. М.* Быть по сему!? (к 150-летию реформы концепции уголовно-процессуального доказывания) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 163–168; *Крестьянников Е. А.* Указ. соч. С. 31–34; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 32–37.

29 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 5. № 3006. С. 403.

к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении») и 1176 («Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление, по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного»)³⁰. Проанализированные судебные протоколы показывают, что формула «лучше десять виновных освободить...» часто использовалась при рассмотрении тяжких преступлений³¹.

Этому способствовали и принципы оценки доказательств, обоснованные Екатериной II в «Наказе» Уложенной комиссии. В первую очередь речь идет о делении доказательств на «совершенные», исключавшие «уже все возможности к показанию невинности обвиняемого», и «несовершенные», «которые сей возможности не исключают»³². Развивая положения Воинских процессов Петра I, императрица особо подчеркивала, что «имоверность свидетеля тем меньшей силы, чем преступление тяжче и обстоятельства менее вероятны»³³. К моменту издания Свода законов уголовных этот принцип приобрел следующее звучание: «При исследовании силы доказательств наблюдать, что чем более тяжко обвинение, тем сильнее должны быть и доказательства»³⁴.

Данные принципы позволяли суду при наличии малейшего сомнения, если и не полностью оправдать подсудимого, то освободить от наказания, оставив его в подозрении «более или менее сильным», «судя по важности обвинения и улик»³⁵. Этот приговор с определенной долей условности можно рассматривать как разно-

30 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 229–230.

31 См., например: ГАВО. Ф.177. Оп. 1. Д. 15. Л. 1120.

32 Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб, 1907. С. 47.

33 Там же. С. 51–52.

34 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 230.

35 Там же.

видность оправдательного, но для обвиняемого он грозил нежелательными последствиями. Чаще в подозрении оставляли при наличии значительного количества несовершенных доказательств, допуская назначение наказания более мягкого, чем предусматривалось за рассматриваемое преступление. Из судебной практики по должностным преступлениям видно, что в основном суд ограничивался дисциплинарными взысканиями (подтверждения, выговоры и т. п.). В случае, когда подозрение было сильным, служащего могли уволить с запретом впредь назначать на государственные должности и участвовать в выборах, а если по делу открывался материальный ущерб, то приговаривали еще и к покрытию убытков, последовавших от противоправных действий.

С одной стороны, применительно к должностным преступлениям такой подход можно рассматривать как государственную гарантию служащих, что должно было положительно отражаться на системе управления³⁶. С другой стороны, местный суд нередко и явно злоупотреблял этим правом. Выявлено немало эпизодов, когда оставляли в подозрении при наличии многочисленных показаний свидетелей и письменных доказательств. Наиболее ярким примером служит дело, рассмотренное в 1819 г. и начавшееся с доноса крестьян Вельского уезда на земского исправника Е. П. Небольсина, получившего от поселян взятку «за то, чтобы избавил волость их от ямской повинности». Показания о сборе и передаче денег дали более 200 человек. Подсудимый признался,

36 При всех нарушениях порядка управления не являлись исключением ложные доносы недоброжелателей на служащих. Эта проблема осознавалась в судебском корпусе. Так, М. А. Дмитриев, служивший в 1828–1832 гг. в Московской уголовной палате, хоть и скептически относился к «оставлению в подозрении» (по его мнению, такой приговор не влек негативных последствий для подсудимого), но отмечал, что всегда обращал особенное внимание на следственные дела, потому как «при тайне, требуемой нашей службой, у нас так легко погубить и невинного человека, особливо в уголовной власти» (*Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 295, 323*).

что советовал крестьянам сделать «денежное положение за повинность» и взял от выборных «подписку о нечинении на них налогов и притеснений». Суд определил, что все эти обстоятельства вели «к невыгодному об нем в сем случае заключению», причем в 1814 г. исправник уже был дважды судим по делам о взятках и «по непризнанию и неизобличению в лихоимстве учинен свободным». Однако и в этот раз уголовная палата не наказала Небольсина по всей строгости закона. Поскольку он навлек на себя «явное подозрение» и исчерпывающе не оправдался, его лишили «прапорщичьего чина» и исключили из службы с «распубликованием»³⁷. Как видно, в отношении должностных лиц местный суд действовал крайне гуманно, неоднократно оставляя их в подозрении.

Кроме того, обвиняемым, на которых падало сильное подозрение, закон предоставлял возможность «восстановить невинность» путем принятия «очистительной присяги и этим изгладить подозрение на них лежащее». Выявлено только одно такое дело, ставшее прецедентным. Речь идет о подозреваемых в лихоимстве чиновниках, в 1804 г. осуществлявших рекрутский набор в Великом Устюге (всего 9 подсудимых, в том числе вице-губернатор действительный статский советник Н. Е. Чемесов). На допросах и очных ставках рекрутские отдатчики единогласно обвинили их в получении взяток, но уголовная палата посчитала это недостаточным и вынесла оправдательный приговор³⁸. После утверждения губернатором приговор поступил в 5-й департамент Сената, где вызвал разногласия и потому был направлен в общее собрание, почти единогласно высказавшееся за освобождение подсудимых. С этим положением не согласился только сенатор О. П. Козодавлев, полагавший, что всех, кроме Чемесова и казначея Наткина, следует оставить удаленными от должностей

37 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 88–90 об.

38 РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 540. Л. 2–2 об.

как чиновников, навлекших на себя подозрение. В свою очередь, министр юстиции П. В. Лопухин представил свое мнение, высказавшись за исключение обвиняемых из службы, поскольку против них свидетельствовало слишком много людей, а чиновники себя ничем не оправдали. Его предложение вызвало большие разногласия в общем собрании Сената (6 из 14 членов согласились с министром). Дело привлекло внимание императора, и материалы были направлены на рассмотрение в Государственный совет, большинством голосов поддержавший первоначальное решение общего собрания Сената³⁹. Итоги разбирательства нашли отражение в указе Сената от 22 июня 1809 г., разъяснявшем, в каких случаях «очистительная присяга может быть допускаема». Всех обвиняемых, кроме Наткина, «яко навлекших на себя подозрение», оставили отрешенными от должностей, но, «дабы открыть им способ к восстановлению их невинности», им предоставили возможность «принять, буде пожелают, очистительную присягу в Вологде, и тем окончательно изгладить подозрение на них лежащее»⁴⁰.

Сам факт оставления в подозрении должен был учитываться какотягчающее обстоятельство, но в выявленных материалах это не прослеживается. Скорее, он рассматривался как свидетельство

39 Архив Государственного совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Ч. 2. СПб., 1878. Ст. 1097–1101.

40 Сенат определил: «Поскольку недостаток улик произошел здесь не столько от самого существа обвинения, сколько от обстоятельств, с коими сопряжены преступления сего рода, без свидетелей совершаемые; а на подобные случаи, где обвиняемый по соображению обстоятельств быв подозреваемым, с одной стороны, не имеет к оправданию себя никаких прямых доказательств, с другой же стороны, и к обвинению его нет также прямых и достоверных улик, учреждена законом очистительная присяга, которая по свойству и по строгим ее формам совершенно различна от присяги обыкновенной в дополнение доказательств, в судебных делах принимаемой, и дозволяется не прежде, как уже все другие средства, к уличению или оправданию обвиняемого законом установленные, будут употреблены безуспешно и открыть истины иначе невозможно» (Подробнее см.: ПСЗ-1. Т. 30. № 23716. С. 1016–1017).

о неблагонадежности чиновника. Лимита на оставление в подозрении не существовало, и вынесение такого приговора во второй или третий раз не являлось исключительным явлением, но все же рано или поздно таких «рецидивистов» из службы исключали⁴¹. В данном случае наглядным примером служит карьера Н. К. Бунакова, четырежды побывавшего под судом. В первый раз, занимая должность соляного пристава, он обвинялся во взятии с покупателей излишних денег за соль, но смог оправдаться, позвав одного «добросовестного» свидетеля, показавшего, что обвиняемый «солью удовлетворял... по равному количеству и в то время покупателям никакого притеснения не чинил»⁴². Во второй раз его обвиняли в «самовольном схвачении в присутствии градской полиции с секретарского стола представленной в оную правящим уездного стряпчего должность регистратором Ярцовым тетрадки и в изорвании оной, в коей заключалось преступление его, Бунакова, по должности» (записи, доказывавшие обсчитывание и обвес при продаже соли). Подсудимый не сознался, но вина доказывалась свидетелями. Суд обоснованно посчитал действия чиновника подозрительными, «что приступил он к сему из причины, побудившей его для сокрытия какого-либо содеянного им преступления, могущего ясно изобличить оную тетрадкою, и сие тем имовернее, что он и прежде сего судим был за излишнее взимание с покупателей за соль денег, но только что не доказан». Бунакова отпустили от должности с запретом впредь определять к подобным⁴³. В третий раз его оставили в подозрении по делу об открывшейся недостатке соли⁴⁴. Наконец, в 1814 г. Бунакова, уже пребывавшего в должности вельского уездного стряпчего, судили в четвертый раз

41 См., например: ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 96. Л. 1361–1413; Д. 116. Л. 1028–1044 об.; Д. 119. Л. 868–883 об.; Д. 125. Л. 586–589 об.; Д. 136. Л. 277–283 об.; Д. 142. Л. 1064–1072 об.; Д. 213. Л. 1472–1473 об.; Д. 169. Л. 1083–1084; Д. 185. Л. 1281–1291 об.

42 Там же. Д. 41. Л. 241.

43 Там же. Д. 44. Л. 287, 294; Ф. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–3.

44 Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 59. Л. 253 об.

по совокупности должностных преступлений, и теперь последовало исключение из службы с запретом впредь куда-либо назначать или выбирать⁴⁵.

Обосновывать оправдательные приговоры суду позволяли действовавшие правила оценки доказательств, в основном базировавшиеся на предписаниях Воинских процессов Петра I и «Наказа» Екатерины II: для обвинения требовалось одно совершенное или нескольких несовершенных доказательств, «совокупно взятых», если они «исключают возможность недоумевать о вине подсудимого»; одно несовершенное доказательство могло повлечь только оставление в подозрении⁴⁶. В законе также устанавливалась сила отдельных видов доказательств⁴⁷ и конкретизировалось, какие именно обстоятельства позволяли признавать доказательство совершенным или несовершенным.

Главным и самым совершенным доказательством являлось чистосердечное раскаяние: «Собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света»⁴⁸. При его отсутствии практически любое другое доказательство могло подвергаться сомнению по формальным признакам и признаваться несовершенным. Согласно судебной практике, в тех случаях, когда вина подсудимых являлась очевидной, они стремились признаваться, приводя все возможные доказательства отсутствия злого умысла, чтобы добиться снисхождения суда. В первую очередь это касалось таких категорий должностных преступлений, как: превышение власти и противозаконное бездействие; медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности. В совокупности эти преступ-

45 Там же. Л. 250, 253 об.

46 Подробнее см.: Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 229–230.

47 Выделялись следующие виды доказательств: признание, письменные доказательства, личный осмотр, свидетельство сведущих людей, свидетельство посторонних людей, оговор, повальный обыск, улики и признаки преступления. Там же. С. 231–235.

48 Там же. С. 231.

ления превышали 40% от всех рассмотренных уголовной палатой, и именно по ним вынесение обвинительного приговора было обычным явлением, что обуславливалось спецификой данных правонарушений. Превышение власти или противозаконное бездействие имели распространение среди служащих полиции и крестьянских выборных лиц: взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за несением земских повинностей нередко сопровождались притеснениями, побоями и иными злоупотреблениями. К медленности, нерадению и несоблюдению порядка при исполнении должности относились самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, вынос из учреждений документов и их утрата, беспорядочное ведение делопроизводства, нерасторопность в исполнении обязанностей и т.д. Подобные нарушения имели распространение в уездных и городских органах управления. Ввиду того, что трудностей в доказывании и той и другой категории преступлений, как правило, не возникало, то подсудимые предпочитали раскаться, а суд не стремился назначать суровые наказания, ограничиваясь выговорами, штрафами и кратковременными арестами. Тех же, кто начинал «запираться» и уклоняться от следствия, могли уволить или исключить из службы.

К любопытным выводам позволяют прийти дела, где в обвинение ставились противозаконные действия при хранении и управлении вверенным по службе имуществом и денежными суммами. На растраты государство обращало особое внимание, ведь обычно речь шла о казенном имуществе. Эти преступления относились к тяжким, и раскрываемость по ним была довольно высокой (75%). Материалы судопроизводства позволили проследить определенные закономерности: когда обвиняемые осознавали, что суд признает их ответственными за утрату средств, и растрата не являлась значительной, то предпочитали вернуть деньги сразу же при обнаружении преступления⁴⁹. Тогда суд

49 Фактор времени имел значение, поскольку покрытие убытков уже после того, как дело попало в суд, не рассматривалось как смягчающее обстоятельство.

избегал суровых наказаний, уважая чистосердечное раскаяние и возмещение убытка⁵⁰.

Если же злоумышленник пребывал в уверенности, что явные доказательства его вины отсутствуют, а речь шла о крупных растратах, то он предпочитал не признаваться, и тогда его судьба зависела от стечения обстоятельств и собственной находчивости. Конечно, встречались и исключения из правил⁵¹. Уникальным примером представляется рассмотренное в 1820 г. дело о растрате в Яренском уездном казначействе. Под суд попали восемь служащих, но всю ответственность за совершавшиеся на протяжении 1811–1816 гг. преступления взял на себя уездный казначей Д. И. Богославский. При этом он не только сознался в растрате, но и изобличил себя в других противоправных деяниях (уничтожение документов, подлоги, нарушение правил учета и свидетельства денежных средств, взятки, регулярно подносимые уездному стряпчему, чтобы тот закрывал глаза на деяния подсудимого, и т.д.). Кроме того, служащий указал на асессора казенной палаты И. Ф. Дьяконова, который вел следствие и требовал с него «в подарок» 1000 руб. за помощь в сокрытии преступлений. По какой причине опытный чиновник Богославский сделал признание, остается загадкой, поскольку другие совершенные доказательства его вины отсутствовали и в случае запирательства он имел шанс избежать личной ответственности. Но его приговорили к лишению прав состояния и отдаче в солдаты (при негодности — к ссылке в Сибирь на поселение), а остальных, как ни в чем не признавшихся, освободили. Имущества осужденного не хватило на покрытие всей растраченной суммы (почти 24 тыс. руб.), поэтому взыскание остатка наложили на городничего, уездного стряпчего и членов уездного суда, обязывавшихся ежемесячно «свидетельствовать» хранившиеся в казначействе суммы, и на членов казенной палаты, допустивших

50 См., например: ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 821–837 об.; Д. 134. Л. 755–755 об.; Д. 185. Л. 1237–1239 об.

51 См., например: Там же. Д. 96. Л. 1045–1062 об.; Д. 227. Л. 229–247.

осужденного казначея к должности с «недостаточным поручительством»⁵².

Показательным выглядит дело и о крупной растрате в Вологодском приказе общественного призрения, открывшейся в 1818 г. Под судом оказались 14 должностных лиц, в том числе губернатор И. И. Винтер и губернский прокурор С. Д. Разнотовский. За два года было расхищено почти 44 тыс. руб. Вину признал казначей приказа В. И. Метелев, между прочим указавший, что не только он, но и другие чиновники присваивали деньги, в частности «более 20000 в разные времена перебрал у него губернатор Винтер». Однако, как и в деле Богославского, никого, кроме казначея, не наказали: Метелева лишили прав состояния и сослали в Сибирь на поселение. За продажу имущества осужденного удалось выручить лишь 1,5 тыс. руб. и получить с его должников еще 4 тыс. руб. Остальные деньги уголовная палата предписала взыскать с заседателей приказа и их имений, «расположив оное по пропорции окладного их жалования»⁵³.

Даже не признавшимися в растратах чиновникам совсем избежать ответственности в результате не получалось, поскольку виновными суд обычно считал служащих, являвшихся материально ответственными лицами. Они могли проявить изобретательность в попытках себя обелить, приводя самые немыслимые оправдания, которые, впрочем, учитывались как смягчающие обстоятельства. К примеру, дворянский заседатель Грязовецкого уездного суда Д. В. Нелидов объяснял растрату не стремлением присвоить деньги, а «по бываемой расстроенности в рассудке, незнанию точности своей обязанности по службе и недоумию». Врачебная управа засвидетельствовала помешательство в рассудке, и виновного вместо ссылки приговорили к лишению чинов и оставили на месте жительства «на пропитание» матери⁵⁴. Вельский уездный казначей

52 Там же. Д. 82. Л. 1355–1363.

53 Там же. Д. 107. Л. 269–272 об.

54 Там же. Д. 129. Л. 1029–1038.

И. Хамантов оправдывал недостачу тем, что он «по нетрезвой жизни бухгалтера и недостатку канцелярских служителей, занимаясь сам письмоводством, имел болезненные и частовременно случающиеся с ним припадки»⁵⁵.

Относительно дел, где имел место казенный ущерб, главной задачей становился не только поиск виновных, но и установление лиц, с каковых можно взыскать убытки. Следователи стремились выявить подозреваемых, в противном случае возмещение ущерба за нераскрытое преступление могло быть обращено на них самих с обоснованием, что они не справились со служебными обязанностями и позволили виновному избежать суда⁵⁶. Сами подозреваемые и должностные лица учреждений, где произошла растрата, во время следствия предпочитали указать на предполагаемых виновников и, как правило, в качестве таковых выставляли канцелярских служителей. Например, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату в Вологодском губернском правлении (около 56 тыс. руб.) возложили на приходорасходчика А. Попова, и, несмотря на его утверждение, что основную часть денег «перебрали» другие служащие, наказанию больше никого не подвергли⁵⁷. Для суда главной целью являлось возмещение причиненного преступлением ущерба. Если не удавалось определить конкретного виновника, взыскание убытков налагалось на всех служащих, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны и имущества⁵⁸. Уход со службы и даже смерть не освобождали от материальной ответственности.

Совершенно иное поведение демонстрировали обвиняемые во взятках — самых труднодоказуемых должностных преступлений. Из всех рассмотренных уголовной палатой дел о лихоимстве лишь в 19 эпизодах выносились обвинительные приговоры

55 Там же. Д. 88. Л. 115–140.

56 Там же. Д. 119. Л. 516–523 об.

57 Там же. Д. 99. Л. 317–318 об.

58 См., например: Там же. Д. 39. Л. 322 об. — 341; Д. 41. Л. 149–159 об.; Д. 166. Л. 246–254 об.; Д. 199. Л. 610–612 об.

с назначением наказания, причем в подавляющем большинстве подсудимыми оказались выборные крестьяне, признавшие в незаконном сборе денег за свой труд или для лихоимственных дач чиновникам⁵⁹. Признания коронных чиновников во взятках следует относить к исключительным случаям. Среди судебных материалов обнаружено несколько весьма любопытных дел, когда в лихоимстве сознавались на допросах, проводимых сенаторами, ревизовавшими Вологодскую губернию. В частности, в 1814 г. канцелярский служитель Никольского земского суда П. Семенов сознался сенатору А. З. Хитрово в получении денег «за сочинение бумаг» и истреблении расходных книг нескольких волостных правлений, в которых «показаны были лихоимственные денежные дачи ему, Семенову, и прочим из мирских сумм»⁶⁰. Хотя после отъезда ревизора Семенов пытался оправдаться и заявлял, что никаких денег от крестьян не получал, суд, учитывая первоначальное признание, приговорил его к ссылке в Нерчинск на каторгу. Второй пример «раскаяния» пришелся на сенаторскую ревизию И. С. Горголи в 1827 г. Под суд попали почти все служащие удельного ведомства и другие чиновники Тотемского уезда (всего 82 человека). Расследуя жалобы удельных крестьян на незаконные поборы, сенатор лично допрашивал управляющего Вологодской удельной конторой В. Готовцева, его предшественника А. Егорова и помощника управляющего А. Данилова, добившись признательных показаний⁶¹. Уголовная палата приговорила их к ссылке в Сибирь на поселение, однако утверждение решения в Сенате затянулось, поскольку обвиняемые не оставляли попыток оправдать себя, направляя в столицу жалобы и просьбы⁶².

59 Там же. Д. 119. Л. 824–828; Д. 199. Л. 184–186 об., 246–257 об.; Д. 227. Л. 423–426 об.; Д. 256. Л. 432–433 об.; Д. 301. Л. 1296–1302 об.; Д. 302. Л. 524–532; Д. 303. Л. 182–188 об.; Д. 306. Л. 977–985.

60 Там же. Д. 71. Л. 509–512.

61 Там же. Д. 116. Л. 1028–1044 об.

62 См., например: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 15. Л. 559–560 об.

В целом только по шести должностным преступлениям у суда не было сомнений в получении взяток и вымогательстве⁶³, и только в одном из них отсутствовало чистосердечное раскаяние. Речь идет о выборном крестьянине Яренского уезда А. Кобычеве, который помимо лихоимства обвинялся еще в «богохулении и порицании веры, произношении дерзких слов противу императорского величества, чинении обществу стеснения». Ни на допросах, ни на очных ставках и со «священнического увещания» он ни в чем не сознался, но суд посчитал, что свидетельских показаний крестьян вполне достаточно, и приговорил его к самому суровому наказанию из всех выявленных приговоров по должностным преступлениям: «наказать в городе Яренске публично чрез палача кнутом, дав ему оным тридцать пять ударов, и потом, поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в каторжную работу»⁶⁴. По всей видимости, это пример избирательного отношения к подсудимым. Сословное происхождение и столь серьезный «набор» правонарушений убедили суд в необходимости показательно наказать крестьянина. Ничем иным подобный приговор объяснить нельзя, поскольку во всех других случаях, когда обвиняемые «запирались», их либо освобождали от ответственности, либо оставляли в подозрении, даже если на получение взятки указывали более сотни крестьян.

Таким образом, материалы следственных дел отражают, что для суда многочисленные свидетельства не являлись критической массой, позволявшей приравнивать совокупность несовершенных доказательств к одному совершенному (как предусматривалось законом). В приговорах часто отмечалось, что доносители, кроме одних своих и причастных к делу людей показаний, никаких ясных доказательств и законных свидетелей не предоставили. Следует упомянуть, что в законодательстве устанавливалось довольно много правил оценки свидетельских показаний:

63 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 71. Л. 509–512; Д. 79. Л. 927–939 об.; Д. 116. Л. 1028–1044 об.; Д. 134. Л. 1286–1290 об.; Д. 142. Л. 1278–1302 об.

64 Там же. Д. 172. Л. 206–208 об.

одного свидетеля было недостаточно; противоречивые показания или взятые без присяги теряли силу; доказательственная сила показаний зависела от социального положения лица (преимущество следовало отдавать мужчине перед женщиной, знатному перед незнатным, ученому перед неученым, духовному перед светским). Более того, даже при наличии совершенных доказательств за подсудимым сохранялось право опровергнуть их и доказать свою невиновность, в том числе предоставив свидетелей⁶⁵.

Закон одинаково сурово карал не только лихоимцев, но и лихоходателей. Ярким примером может служить упомянутое дело об уездном казначее Богославском, признавшемся в подкупе уездного стряпчего. Еще одно показательное дело рассматривалось уголовной палатой в 1844 г., когда под суд попали крестьянские выборные лица, передавшие «в подарок» тотемскому подлесничему 488 руб. «за отпуск крестьян с лесного пожара». Спрошенные на следствии крестьяне «единогласно» заявили, что подлесничий во время пожара требовал с них деньги «и без того не хотел их с оного отпустить до самой зимы, несмотря на то что пожар уже был потушен». Этих показаний оказалось недостаточно, чтобы уличить чиновника в лихоимстве, но вина выборных крестьян доказывалась «добровольным признанием». При назначении наказания суд учел смягчающие обстоятельства. В частности, в приговоре отмечалось: «За бездоказательное израсходование» денег, принимая во внимание, «что учинено это ими не по обдуманному умыслу, а по простоте и легкомыслию, быв к тому, как из показаний спрошенных по делу в большом количестве крестьян видно, вынуждены страхом притеснения», отрешить от должностей с запретом впредь избираться, взыскать с них потраченные деньги и сделать подтверждение, «чтоб они подобных на подарки денег делать на будущее время ни под каким видом не осмеливались

65 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 233–234.

под опасением неминуемого наказания плетью и ссылке в Сибирь на поселение»⁶⁶.

Подобных примеров, когда обвиняемые, не признаваясь в получении взятки, уходили от ответственности, а потерпевшие, которые под присягой заявляли о вымогательстве, оказывались обвиняемыми в лиходействе, выявлено довольно много. Это была парадоксальная ситуация: суд, признавая доказанным факт передачи взятки, отрицал факт ее получения чиновником. Разумеется, такой формат правосудия имел вполне определенные последствия. Во-первых, население опасалось жаловаться на взяточников, но еще верило в защиту верховной власти, о чем говорят многочисленные доносы ревизорам, побывавшим в губернии⁶⁷. Во-вторых, суд не стремился сурово наказывать жалобщиков, понимая несправедливость ситуации и опасаясь волнений среди населения. Именно поэтому, отмечая «многолюдство», «простоту», «легкомыслие», «неведение строгости законов» и т.п.⁶⁸, наказания крестьянам заменяли на «внушения», «чтобы подобных показаний, что законно доказать не могут, впредь делать не осмеливались под опасением неминуемого по законам наказания»⁶⁹. Правда, в отдельных случаях суд мог, «в пример и страх другим», карать жестоко⁷⁰. Главным образом это делалось в отношении отдельных доносчиков, упорно доказывавших правдивость своих слов.

66 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 185. Л. 205–207 об.

67 См., например: Там же. Д. 69. Л. 381–389 об., 431–458, 717–730 об., 755–769; Д. 73. Л. 500–510 об., 512–532, 852–867 об., 932–939; Д. 74. Л. 395–405, 749–761 об.; Д. 78. Л. 86–95 об.; Д. 79. Л. 401–420, 471–518, 537–669 об.; Д. 83. Л. 899–964; Д. 92. Л. 261–289 об.; Д. 96. Л. 811–954 об.; Д. 134. Л. 1286–1290 об.; Д. 136. Л. 277–283 об.; Д. 142. Л. 1278–1302 об.; Д. 146. Л. 399–417 об.; Д. 160. Л. 136–141 об., 427–432 об.; Д. 213. Л. 1472–1473 об.

68 См., например: Там же. Д. 73. Л. 732–765; Д. 79. Л. 859–912; Д. 82. Л. 1088–1091 об.; Д. 117. Л. 419–443 об.; Д. 119. Л. 1056–1065 об.; Д. 125. Л. 586–589 об.; Д. 146. Л. 171–180; Д. 154. Л. 783–786; Д. 186. Л. 1281–1291 об.

69 Там же. Д. 227. Л. 384.

70 См., например: Там же. Д. 117. Л. 419–443 об.; Д. 130. Л. 1263–1269 об.; Д. 154. Л. 729–732 об.; Д. 169. Л. 125–131; Д. 185. Л. 1342–1343; Д. 306. Л. 1247–1252 об.

Изучение протоколов по делам о взятках позволяет проследить логику рассуждений суда при рассмотрении свидетельских показаний. Лица, организовывавшие сбор денег и/или непосредственно их передававшие, признавались прикосновенными к делу (заинтересованными), следовательно, слов данных людей не хватало, чтобы доказать вину должностного лица. Опрашиваемые крестьяне хотя и участвовали в сборе средств, но при передаче денег не присутствовали, а значит, только могли предполагать получение взятки. Даже малейшие расхождения в показаниях давали основание подвергнуть свидетельства сомнению. Кроме того, следователи зачастую не приводили к присяге опрашиваемых, а такие показания по закону теряли доказательственную силу. По всей видимости, нарушения в ходе следственных действий допускались не бесплатно. Можно привести весьма красноречивый пример, который нельзя объяснить ничем иным, как взяткой. В 1849 г. уголовная палата оправдала станowego пристава, поскольку следователь, исполняя поручение лишь дополнить дело недостающими сведениями, без ее санкции самостоятельно провел целый ряд следственных действий, позволивших подсудимому в итоге уйти от ответственности⁷¹. Ключевую роль в этом сыграло проведение нового допроса главного свидетеля. Суть его показаний не изменилась, но принять их в качестве доказательства не получилось, так как они, в отличие от предыдущих, были взяты без присяги. Учесть старые показания суд также не мог, поскольку новый допрос, по закону, отменял предыдущий. Подобный метод, неформально именовавшийся как передопрос, активно применялся следователями при стремлении развалить обвинение по делу⁷². Следует подчеркнуть, что недобросовестные расследования стали привлекать особое внимание суда только с 1840-х гг.⁷³, когда в приговорах уголовной палаты начали

71 Там же. Д. 256. Л. 1352 об.

72 См., например: Там же. Д. 186. Л. 1281–1291 об.

73 См., например: Там же. Д. 213. Л. 627–629 об.; Д. 256. Л. 1390–1392; Д. 285. Л. 325–331 об.; Д. 305. Л. 380–405; Д. 302. Л. 1333–1338.

появляться предписания «предоставить [действия следователя] на вид и определение для положения меры взыскания Вологодского губернского правления»⁷⁴, которое, со своей стороны, имело право отдавать под суд нерадивых чиновников.

Материалы следственных дел дают интересные примеры отношения суда к письменным доказательствам. Хотя законом они признавались совершенными, на практике находились возможности признать и их ничтожными, в особенности по делам о взятках. Так, в 1814 г. к ревизовавшему губернию сенатору Хитрово обратились представители многих городских и крестьянских обществ с жалобами на вымогательство должностных лиц, предоставив в качестве доказательств приходорасходные книги, где скрупулезно фиксировалось, кому, когда, за что и сколько было заплачено или сделано подарков. По результатам ревизии возбудили 25 дел по обвинению в лихоимстве, под судом оказалось 116 человек, из которых только одного, уже упомянутого канцелярского служителя Семенова, признали виновным, поскольку тот «учинил чистосердечное признание», а остальных оправдали, посчитав приходорасходную документацию недостаточным доказательством. Во-первых, еще надлежало подтвердить подлинность записей; во-вторых, следовало также убедить суд, что перечисленные суммы действительно передавались служащим, а не присваивались выборными крестьянами. Назначенный провести расследование по одному из указанных дел тотемский судья М. С. Плешанов рапортовал о непредоставлении крестьянами «ясных» доказательств кроме «черного регистра», «недельного и никакого внимания незаслуживающего», и весьма красноречиво высказался относительно доказательственной силы документа: «Слабоумные крестьяне, не имея ясного доказательства, думают уверить тою ничего не значащей бумагой, а ни чем другим, что они в доносе своем справедливы»⁷⁵.

74 Там же. Д. 242. Л. 39–39 об.

75 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 424. Л. 20 об. — 21.

Письменные доказательства личного происхождения тоже довольно легко опровергались, даже в тех случаях, когда их подлинность не вызвала сомнений⁷⁶. К примеру, обвиняемый в растрате секретарь Вологодского земского суда Н. С. Попов пытался убедить суд, что основную часть хранившихся в суде средств присвоил земский исправник С. Г. Вахрушев, предоставив одну из записок последнего (о «присылке к нему 50 рублей»). Но уголовная палата не сочла бумагу доказательством, поскольку в ней не указывалось, «чтоб он просил у него денег из находящейся в земском суде суммы»⁷⁷.

Пытаясь уличить в вымогательстве канцелярского служителя Вологодской палаты гражданского суда П. Соболевского, крестьяне помещицы Т. Мориной предоставили его письмо с просьбой как можно скорее прислать 50 руб. серебром, чтобы решить в ее пользу производившееся в палате дело. Однако суд поверил оправданиям подсудимого, дескать, он писал «шуточно», «зная по родственному расположению скупость характера» Мориной, желая лишь подшутить над ней, вручив письмо при личной встрече⁷⁸.

В историографии дореформенный суд традиционно ассоциируется с коррупцией, беззаконием, волокитой, канцелярщиной. Как показывает проведенное исследование, эти суждения подтверждаются не только мемуарной литературой, на которую опираются историки, но и делопроизводственной документацией. Выявленные судебные материалы позволяют заключить, что заложенные в законодательстве принципы уголовного судопроизводства и правила оценки доказательств, долженствовавшие служить правосудию

76 См., например: Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 62. Л. 69–74; Д. 82. Л. 1422–1428; Д. 150. Л. 315–317 об.

77 Там же. Д. 166. Л. 253 об.

78 Там же. Д. 271. Л. 291.

и защищать невиновных от наказания, на практике имели двойные стандарты. Чиновникам они давали широкие возможности уходить от ответственности и не защищали тех, кто безвинно попал под суд, но не имел авторитетных покровителей или возможности «откупиться» (в наиболее уязвимом положении обыкновенно оказывались канцелярские служители и крестьянские выборные лица).

Примеры из судебной практики позволяют понять, почему так много нареканий современников вызывала неспособность дореформенного суда привлечь к ответственности за должностные преступления. Существовало немало способов обойти закон и обеспечить вынесение оправдательного приговора, в особенности если преследованию подвергались опытные служащие, хорошо знакомые с практикой работы местных учреждений. Оспаривая доказательства, подсудимые проявляли завидную изобретательность, а уголовная палата демонстрировала благосклонность, если не полностью оправдывая, то насколько возможно смягчая приговоры. Действовавшая формальная теория доказательств породила такую разновидность судебных решений, как оставление в подозрении. Это было уникальное явление изучаемой эпохи, представлявшее собой нечто промежуточное между обвинительным и оправдательным приговорами, когда, с одной стороны, подсудимых не наказывали по всей строгости закона, но, с другой, далеко не всегда полностью освобождали от ответственности, предписывая возместить ущерб и налагая дисциплинарные взыскания, вплоть до признания неблагонадежными и исключения из службы с запретом впредь назначать на должности от правительства и по выборам.

Нельзя сказать, что чиновников вовсе не наказывали. По каждому второму должностному преступлению выносился обвинительный приговор. Однако в основной своей массе это касалось таких правонарушений, по которым вина подсудимых являлась очевидной и трудностей в доказывании не возникало (например, дела о превышении власти или неисполнении должностных обязанностей). Совершенно иная динамика наблюдается

относительно наиболее тяжких преступлений, в первую очередь взятки — наименее доказуемых деяний, что, вероятно, и способствовало их процветанию.

Итоги проведенного исследования, пожалуй, позволяют говорить не про неспособность, а про нежелание дореформенного суда бороться с должностной преступностью. Расхожая фраза о строгости российских законов, которая смягчается необязательностью их исполнения, превосходно отражает характер проанализированных судебных процессов. Выводы о сплоченности служилой корпорации на местах будут слишком большим преувеличением, но то, что чиновники неохотно судили себе подобных, вполне очевидно, ведь, как точно подметил неоднократно цитируемый в статье М. А. Дмитриев, «он то судья, то под судом!»⁷⁹

Литература

1. *Блинов И. А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. Пг., 1914. 234 с.
2. *Брянская Е. В.* О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 15–20.
3. *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 29–36.
4. *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1969. 400 с.
5. *Воропанов В. А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016. 451 с.
6. *Воропанов В. А.* Судебная система Российской империи

79 *Дмитриев М. А.* Указ соч. С. 330.

на Урале и в Западной Сибири, 1780—1869 гг. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования; УрАГС, 2005. 314 с.

7. *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905. 267 с.

8. *Джанишиев Г. А.* Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891. XVI, 364, 52 с.

9. *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие: к 75-летию Историко-архивного института. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 494 с.

10. *Ефремова Н. Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. 267 с.

11. *Ефремова Н. Н.* Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX в.: (историко-правовое исследование). М.: Наука, 1993. 190 с.

12. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

13. *Зайцева С. А.* Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 158—170.

14. *Зотов Д. В., Сыщикова Т. М.* Быть по сему!?! (к 150-летию реформы концепции уголовно-процессуального доказывания) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 163—168.

15. История суда и правосудия в России. В 9 т. Т. 3: Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века) / отв. ред. С. А. Колунтаев. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. 671 с.

16. *Карнишина Н. Г.* Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 69—76.

17. *Крестьянников Е. А.* Отмена системы формальных доказательств в дореволюционной России // История государства и права. 2010. № 21. С. 31—34.

18. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 2: Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. 847 с.

19. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М.: Мысль, 2003. 893 с.

20. *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24—42.

21. *Морякова О. В.* Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 268 с.

22. *Остроумов С. С.* Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: [Б. и.], 1961. 303 с.

23. *Панин Е. Е.* Уездные суды Российской империи в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 212 с.

24. *Плех О. А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 с.

25. *Сабанцев А. Н.* Судебные учреждения Олонецкой губернии (1784—1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2003. 183 с.

26. Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. XIII, 382 с.

27. *Теряева Е. В.* Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 127—134.

28. *Тростянский А. Г.* Судебная система Российской империи в 1850-х — начале 1880-х гг. (на примере Пензенской и Самарской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 217 с.

29. *Уортман Р. С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

30. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. XII, 566 с.

31. Фукс В. Я. Суд и полиция. В 2 ч. Ч. 1. М., 1889. II, 282, 232 с.
32. Чернов Г. А. Пензенская палата уголовного суда (1780—1869 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 165 с.
33. Чернов Г. А. Судебная практика Пензенской палаты уголовного суда в 1812—1815 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 29—43.
34. Schattenberg S. Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt; New York: Campus, cop. 2008. 294 s.

References

1. Blinov, I. A. (1914) *Sudebnaya reforma 20noyabrya 1864g.: istoriko-yuridicheskii ocherk* [Judicial Reform of November 20, 1864: Historical and Legal Essay]. Petrograd.
2. Bryanskaya, E. V. (2014) “O razvitii dokazatel'stv v ugodnom protsesse dorevolutsionnoi Rossii” [“On the Development of Evidence in the Criminal Process of Pre-Revolutionary Russia”], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 4 (67), pp. 15—20.
3. Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016) “Naskol'ko regul'yarnym bylo 'regulyarnoe gosudarstvo' v Rossii XVIII v.? Printsipy raboty po vkhodyashchim delam v Ekaterinburgskom uездном sude (1785)” [“How Regular Was the ‘Regular State’ in Russia in the XVIII Century? Principles of Work on Incoming Cases in the Ekaterinburg District Court (1785)”], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, pp. 29—36.
4. Chernov, G. A. (2003) *Penzenskaya palata ugodnogo suda (1780—1869gg.)* [Penza Criminal Court Chamber (1780—1869)]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Penza.
5. Chernov, G. A. (2022) “Sudebnaya praktika Penzenskoi palaty ugodnogo suda v 1812—1815 gg.” [“Judicial Practice of the Penza Criminal Court Chamber in 1812—1815”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 1 (61), pp. 29—43.
6. Davydov, N. V., Polyanskii, N. N. (eds.) (1915) *Sudebnaya reforma. T. I* [Judicial reform. Vol. I]. Moscow.

7. Dzhashiev, G. A. (1891) *Osnovy sudebnoi reformy: (K 25-letiyu novogo suda): Istoriko-yuridicheskie etyudy [Fundamentals of Judicial Reform: (To the 25th Anniversary of the New Court): Historical and Legal Etudes]*. Moscow.

8. Efremova, N. N. (1993) *Sudoustroistvo Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v.: (istoriko-pravovoe issledovanie) [Judicial System of Russia in XVIII — First Half of the XIX Century: (Historical and Legal Study)]*. Moscow: Nauka.

9. Efremova, N. N. (2007) *Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII — nachala XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie) [Formation and Development of Judicial Law in Russia XVIII — Early XX Century (Historical and Legal Study)]*. Moscow: RUDN.

10. Eroshkin, N. P. (2006) *Rossiiskoe samoderzhavie: k 75-letiyu Istoriko-arkhivnogo instituta [Russian Autocracy: to the 75th Anniversary of the Historical and Archival Institute]*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

11. Foinitskii, I. Ya. (1912) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1 [Course of Criminal Procedure. Vol. 1]*. St. Petersburg.

12. Fuks, V. Ya. (1889) *Sud i politiya. Ch. 1 [Court and Police. P. 1]*. Moscow.

13. Gessen, I. V. (1905) *Sudebnaya reforma [The Judicial Reform]*. St. Petersburg.

14. Karnishina, N. G. (2014) “Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii nakanune provedeniya reformy 1864 g. (k 150-letiyu prinyatiya sudebnykh ustavov)” [“The Judicial System of the Russian Empire on the Eve of the Reform of 1864 (To the 150th Anniversary of the Adoption of Judicial Statutes)”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 1 (29), pp. 69–76.

15. Koluntaev, S. A. (ed.) (2019) *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 3: Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo v period stanovleniya i razvitiya absolyutizma (konets XVII — seredina XIX veka) [History of Court and Justice in Russia. Vol. 3: Judicial System and Legal Proceedings in the Period of Formation and Development of Absolutism (Late 17th–Mid-19th Century)]*. Moscow: Norma; INFRA-M.

16. Krest'yannikov, E. A. (2010) "Otmena sistemy formal'nykh dokazatel'stv v dorevolutsionnoi Rossii" ["Abolition of the System of Formal Evidence in Pre-Revolutionary Russia"], *Istoriya gosudarstva i prava*, 21, pp. 31–34.

17. Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin, G. Y. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: Istoriya. Dokumenty. T. 2: Period absolyutizma* [Judicial Power in Russia: History. Documents. Vol. 2: The Period of Absolutism]. Moscow: Mysl'.

18. Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin, G. Y. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: Istoriya. Dokumenty. Vol. 3: Ot Svoda zakonov k sudebnoi reforme 1864 g.* [Judicial Power in Russia: History. Documents. T. 3: From the Code of Laws to the Judicial Reform of 1864]. Moscow: Mysl'.

19. Mironov, B. N. (1998) "Prestupnost' v Rossii v XIX — nachale XX veka" ["Crime in Russia in the XIX — Early XX Century"], *Otechestvennaya istoriya*, 1, pp. 24–42.

20. Moryakova, O. V. (1998) *Sistema mestnogo upravleniya Rossii pri Nikolae I* [The System of Local Governance in Russia Under Nicholas I]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

21. Ostroumov, S. S. (1961) *Ocherki po istorii ugolovnoi statistiki dorevolutsionnoi Rossii* [Essays on the History of Criminal Statistics of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow.

22. Panin, E. E. (2006) *Uezdnye sudy Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX v.* [District Courts of the Russian Empire in the First Half of the XIX Century]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Saransk.

23. Plekh, O. A. (2016) *Mestnoe upravlenie v Vologodskoi gubernii v pervoi polovine XIX v.* [Local Government in the Vologda Province in the First Half of the XIX Century]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Moscow.

24. Sabantsev, A. N. (2003) *Sudebnye uchrezhdeniya Olonetskoi gubernii (1784–1907 gg.)* [Judicial Institutions of Olonets Province (1784–1907)]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Petrozavodsk.

25. Schattenberg, S. (2008) *Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert.* Frankfurt; New York: Campus, cop.

26. Teryaeva, E. V. (2009) "Dolzhnostnye zloupotrebleniya provin-

tsial'nogo chinovnichestva v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. (po materialam Orlovskoi gubernii)" ["Official Abuses of Provincial Officialdom at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century (on the Materials of Orel Province)"], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2 (70), pp. 127–134.

27. Trostyanskii, A. G. (2011) *Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii v 1850-kh — nachale 1880-kh gg. (na primere Penzenskoi i Samarskoi gubernii)* [*The Judicial System of the Russian Empire in the 1850s — Early 1880s (On the Example of Penza and Samara Provinces)*]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Tambov.

28. Vilenskii, B. V. (1969) *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [*Judicial Reform and Counter-Reform in Russia*]. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo.

29. Voropanov, V. A. (2005) *Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii na Urale i v Zapadnoi Sibiri, 1780–1869 gg.* [*The Judicial System of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia, 1780–1869*]. Chelyabinsk: Tsentr analiza i prognozirovaniya; UrAGS.

30. Voropanov, V. A. (2016) *Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskoi imperii vo второй polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ya, Urala, Zapadnoi Sibiri i Kazakhstana)* [*Court and Justice in the Provinces of the Russian Empire in the Second Half of the XVIII Century: (On the Example of the Volga Region, the Urals, Western Siberia and Kazakhstan)*]. Moscow: Yurlitinform.

31. Wortman, R. S. (2004) *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [*Rulers and Judges: the Development of Legal Consciousness in Imperial Russia*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

32. Zaionchkovskii, P. A. (1978) *Pravitel'svennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* [*Governmental Apparatus of Autocratic Russia in the XIX Century*]. Moscow: Mysl'.

33. Zaitseva, S. A. (2018) "Genezis svobodnoi otsenki dokazatel'stv v rossiiskom ugovnom protsesse" ["Genesis of Free Evaluation of Evidence in the Russian Criminal Process"], *Yuridicheskie nauki i obrazovanie*, 56, pp. 158–170.

34. Zotov, D. V., Syshchikova, T. M. (2014) “Byt’ po semu!? (k 150-letiyu reformy kontseptsii ugovovno-protsessual’nogo dokazyvaniya)” [“To be According to This? (To the 150th Anniversary of the Reform of the Concept of Criminal Procedural Proof)”], *Sudebnaya vlast’ i ugovovnyi protsess*, 3, pp. 163–168.